

Цинь Чаншэн указала на меню за её спиной и с лёгкой усмешкой сказала: «Сначала не догадалась. Но потом подумала: цены у тебя запредельные, а никто даже слова не скажет, мебель цела. Всё, что против правил, — со смыслом. Держать заведение в такой глуши, ставить такие цены и не бояться, что разнесут — значит, за тобой кто-то стоит. Иначе бы давно прикрыли».

Цин Чжу рассмеялась — звонко, без обиняков. Глядя на телефон, она сказала: «Ладно, девочка, глазастая. Говори, что хочешь узнать?»

Взгляд Цинь Чаншэн машинально скользнул в сторону. У окошка подачи за спиной Цин Чжу парень, что ранее убирал, уже подносил блюда к столику, где сидели Цзян Чжунсюэ и Сюй Цзин.

Цзян Чжунсюэ по-прежнему сохраняла ледяное спокойствие, наблюдая, как одно блюдо сменяет другое. Она не шевельнулась. Сюй Цзин же, вежливо предложив ей начать и не получив ответа, сама набросилась на еду с жадностью.

Когда Цинь Чаншэн обернулась, её взгляд столкнулся со взглядом Цзян Чжунсюэ.

Этот взгляд был подобен ледяной воде, окатившей её с головы до ног. Хотя она не понимала, за что та смотрит на неё с таким холодом, Цинь Чаншэн вспомнила утренний конфликт, стиснула зубы, высокомерно закатила глаза и отвернулась.

Цин Чжу, разговаривая с Цинь Чаншэн, между тем внимательно наблюдала за Цзян Чжунсюэ и Сюй Цзин. Для таких, как она — для Соколиных Глаз, — важно было не упустить ни единой детали. Любое событие, любая мелочь могла стать товаром, если за неё предложат подходящую цену.

Увидев Цинь Чаншэн, она ещё сомневалась. Но, разглядев лицо Цзян Чжунсюэ — лицо с высокой степенью узнаваемости, — в глубине её глаз мелькнула радость. Выходит, её наниматели были правы, заподозрив неладное в истории на горе Цзи. Из-за связей с семьёй Юй они и отправили сюда её, своего Соколиного Глаза, на разведку.

Изначально она рассчитывала лишь разобраться с делом семьи Юй на Цзишань. Но неожиданно на крючок попала куда более крупная рыба. Младшая дочь семьи Цинь и легендарная Бессмертная действительно появились здесь.

Эта информация, всё, что произошло сегодня, — за это можно будет выручить целое состояние... Цин Чжу, глядя на Цинь Чаншэн, в душе уже видела золотые отблески. Пусть даже взгляд Цзян Чжунсюэ был остёр, как лезвие, она, Соколиный Глаз, прошла должную подготовку. Её улыбка не дрогнула, и разговор продолжался.

Она была абсолютно уверена: Цзян Чжунсюэ никогда её не видела. Та не заподозрит в ней Соколиного Глаза. Максимум — сочтёт подозрительной.

Цинь Чаншэн, закончив расспросы, мысленно перебрала поручение от семьи Юй, и многое встало на свои места. Цин Чжу с улыбкой смотрела на неё, и та наконец вспомнила: нужно платить. Для Соколиного Глаза информация — ходячая валюта. Сколько стоит сведение, столько и нужно отдать.

Она засунула руку в сумку, пальцы нащупали пачку банкнот толщиной примерно в полсантиметра.

Впрочем, по сравнению с вознаграждением от семьи Юй это были сушие пустяки.

Цин Чжу смотрела на неё, и улыбка вот-вот готова была вырваться наружу. Увидев движение руки, она понизила голос: «Ты из каких?»

Цинь Чаншэн на мгновение замешкалась: «Цинь. Как древнее царство Цинь».

Цин Чжу кивнула и сказала уже серьёзно: «Плату за информацию я получу с вашей семьи».

Цинь Чаншэн удивлённо посмотрела на неё: «С чего ты взяла, с какой именно семьи?»

Услышав это, Цин Чжу изменилась в лице, в её глазах мелькнуло недоумение: «В древних землях Шу с незапамятных времён существует лишь один старый род Цинь. О каком ещё можешь говорить? У других кланов могут быть тэзки, но ваш старый род Цинь слишком известен. Раз осмелилась назвать эту фамилию, неужто боишься, что тебя не узнают?»

Цинь Чаншэн нервно дёрнула веком. «Неужели наша семья настолько известна? — пробормотала она себе под нос. — Я никогда не слышала».

Цин Чжу, видя, что та, кажется, и вправду не знает, спросила дальше: «Неужели это твоя первая встреча с Соколиным Глазом? Разве ты не знаешь, что мы всегда берём плату с семьи, которой служит информация?»

Цинь Чаншэн кивнула, её щёки слегка покраснели от смущения. «Это... мой первый самостоятельный выход, — призналась она. — Раньше всегда брат водил. Я никогда не видела настоящего Соколиного Глаза».

Цин Чжу лишь молча покачала головой. Цинь Чаншэн вернулась к своему столику. Оглянувшись, она увидела, что та снова увлечённо щёлкает семечки, будто полностью потеряв к ним интерес.

Цзян Чжунсюэ так и не притронулась к палочкам. Цинь Чаншэн хотела поделиться с ней услышанным, но вспомнила утреннюю клятву — «скажу ей ещё слово — сама себя пощечинами отхлещу» — и, стиснув зубы, промолчала.

После еды Сюй Цзин заметно оживилась. Цинь Чаншэн, не сомкнувшая за весь день глаз, поплелась за ней дальше в гору.

Сама она, кроме сонливости, ничего особого не чувствовала. Но её беспокоила Цзян Чжунсюэ, не съевшая за обедом ни крошки.

Вот уж действительно непробиваемая гордячка. Целый стол яств, за который она отдала четыреста семьдесят девять, — и ни одного движения палочками! Они с Сюй Цзин всё не осилили, а в такую погоду с собой не возьмёшь. Пришлось смотреть, как парень уносит почти нетронутые блюда.

А тот самый легендарный дикий кабан на вкус оказался самой обычной свиной.

От одной этой мысли у Цинь Чаншэн заняло под ложечкой.

Горная тропа вилась, словно длинная змея, петляя среди густого леса. Сюй Цзин, подкрепившись, была полна сил и не думала об отдыхе. Цинь Чаншэн же клевала носом на ходу, едва различая глазами, где бы следующую гостиницу отыскать.

Цзян Чжунсюэ по-прежнему несла свой чёрный зонт, будто ничего вокруг не существовало. Цинь Чаншэн, шатаясь от усталости, смотрела на неё и не понимала: как можно целый день не есть и при этом сохранять такую бодрость?

В лесу по-прежнему щебетали птицы. Тропа, выложенная синим камнем, вела вверх. В тени деревьев виднелся колодец, вырытый, должно быть, ещё в древности. Минут через десять ходьбы лес неожиданно расступился, и тропа оборвалась.

Цинь Чаншэн, ещё секунду назад находившаяся в полусне, замерла, едва сделав следующий шаг. Холодная дрожь пробежала по спине.

В нескольких шагах перед ней, за грубо обтёсанным камнем по пояс, зияла бездонная пропасть.

Увидев это творение, высеченное самой природой, она испытала одновременно восторг и леденящий ужас. Сон как рукой сняло.

Тропа прерывалась у камня. Сделав ещё пару шагов, можно было сорваться вниз, в пустоту. Напротив, за долиной, погружённой в густую зелень, вздымался другой утёс — серо-белый, словно рассечённый гигантским мечом, почти вертикальный.

Скальные стены были испещрены древними дощатыми тропами. Они вились по самому краю обрыва, цепляясь за выступы, узкие — не больше полуметра в ширину, — и терялись в зелёной мгле дальше. Утёс под ними был почти отвесным, а тропы располагались в таких немыслимых местах, что могли поспорить по опасности со знаменитой «Тропой в Небеса» на Хуашани.

Сюй Цзин, глядя на это, тихо ахнула. Выражение лица Цзян Чжунсюэ тоже изменилось — в нём появилась тень воспоминаний, лёгкая, но ощутимая грусть. Она тихо, почти шёпотом произнесла: «Горы скорбят о пути в Шу...»

Сюй Цзин не услышала её слов, но Цинь Чаншэн обернулась: «Что думаешь?»

Цзян Чжунсюэ перевела на неё взгляд. Цинь Чаншэн мысленно успокоила себя: это Цзян Чжунсюэ заговорила первой, значит, клятва не нарушена, и пощечины ей не грозят.

Взгляд Цзян Чжунсюэ скользнул к ничего не подозревающей Сюй Цзин, и она едва заметно приподняла бровь. Цинь Чаншэн тоже взглянула на подругу, раздумывая, как бы её под благовидным предлогом спровадить вниз.

Нужна была причина. Убедительная, но не вызывающая подозрений.

Сюй Цзин была её старой подругой, и она втянула её в эту историю на горе Цзи только из-за своего расследования. Если будет возможность, она не хочет тащить её дальше в эту трясины.

Того, что уже пришлось к ней обратиться, было достаточно, чтобы Цинь Чаншэн чувствовала себя виноватой.